

СЧАСТЬЕ СЕРГЕЯ КОРТЕСА

ОН РОДИЛСЯ В ЧИЛИ. ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ПРОВЕЛ В АРГЕНТИНЕ. ОСУЩЕСТВИТЬ СВОЮ МЕЧТУ — СТАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ МУЗЫКАНТОМ, ВОЙТИ ТВОРЦОМ В ВОЛШЕБНЫЙ МИР ЧАРУЮЩИХ ЗВУКОВ УДАЛОСЬ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ...

Имя заслуженного деятеля искусств БССР Сергея Кортеса хорошо известно не только в нашей республике. Он автор оперы «Джордано Бруно», в Свердловске и Минске готовится к постановке его новая опера «Матушка Кураж и ее дети». Композитор написал ряд оригинальных произведений к театральным спектаклям и кинофильмам. Мы встретились с ним в день, когда в театре имени Янки Купалы принимали спектакль «Закон вечности» по пьесе Нодара Думбадзе. Музыкальное оформление к нему сделал С. Кортес.

— Сергей Альбертович,

смогли бы вы стать профессиональным музыкантом у себя на родине!

— Я им и стал на родине. Хотя появился на свет далеко за океаном, но первое услышанное мной слово было русским. Отец мой, чилиец, оставил нас, когда мне было два года. И всеми порядками в доме заправлял дед — Павел Петрович Шостоковский. Он внушал нам, детям, что наша родина — Советский Союз. И сколько себя помню, мы всегда мечтали о возвращении домой.

К пятнадцати годам я прочитал в подлиннике Тургенева, Пушкина, Толстого, Достоевского. Не все понимал, но мелодия их языка, широта и глубина мысли — все это для меня родное с детства.

Судьба отца моей матери сложилась не просто. Штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, он в годы первой мировой войны был военным представителем царской России в Париже. Как человек своего класса он не принял революцию. Стал эмигрантом, уехал в Чили, где ему как специалисту итальянская фирма «Фиат» поручила руководить автосборочным заводом. Когда семья переехала в Аргентину, стал издателем журнала «Русская земля», выступал в различных газетах, в которых писал правду о Советской стране. Грянула вторая мировая война, и дед возглавил Славянский комитет Аргентины, выступал против фашизма.

Бабушка была певицей, и русская музыка, как и родная речь, звучала в нашем доме постоянно. Все состояние деда ушло на общественную деятельность. Мать стала служащей в

банке. И хоть жили мы вполне безбедно, средств для того, чтобы дать мне музыкальное образование, не хватало. В капиталистическом мире все подчинено тому, чтобы делать деньги. Учиться музыке — значит брать частные уроки. А такую роскошь может там позволить себе лишь очень богатый человек.

Для того, чтобы оплачивать уроки музыки и композиции, мне пришлось работать. Да и разве можно сравнить отрывочные знания, полученные в Аргентине, с систематической работой, которая ведется в нашей стране с учеником обычной музыкальной школы? Здесь ищут одаренных детей, для них созданы специальные школы-интернаты. Талант в Советском Союзе — это национальное достояние. Когда в конце пятидесятых годов наша семья вернулась в СССР, мне было двадцать лет. Меня приняли в музыкальную десятилетку. Окончил ее с золотой медалью и был принят в Белорусскую консерваторию по классу композиции и фортепиано. Со мной работал выдающийся музыкант и педагог профессор А. В. Богатырев. Когда учился в аспирантуре, моим руководителем был профессор Московской консерватории композитор Н. И. Пейко.

И вот я профессиональный музыкант, композитор. Нет, в Аргентине мне это и присниться не могло. При всем при том не боюсь повториться, что материально мы были обеспечены неплохо. Ну, а человеку из рабочей семьи об этом и мечтать нечего.

Дед о своей одиссее написал книгу «Путь к правде». Она мгновенно разошлась. Он честно рассказал о тех трудных дорогах, которые снова привели его на родину. Здесь обрели мы духовный мир, который не купишь ни за какое золото.

— Вы приехали сюда

большой семьей. Как сложилась судьба ваших родных!

— Мама сразу же начала учиться. Закончила аспирантуру, защитила диссертацию. Сейчас преподает в Минском педагогическом институте иностранных языков. Брат Павел работает на камвольном комбинате, сестра Серафима препода-

ет испанский, мой сын Дмитрий поступил в Московскую консерваторию. Все счастливы, каждый выбрал дело по душе.

— Специалисты отмечают

в вашем творчестве своеобразный почерк, современность звучания, хотя сюжеты опер — исторические..

— «Джордано Бруно» был задуман еще в те годы, когда я учился в консерватории. Писалась опера трудно, мы много по-хорошему спорили с автором либретто Владимиром Халипом. И хотя сюжет ее исторический, мы хотели рассказать о современности. Вторая опера — «Матушка Кураж и ее дети» далась легче. Четкая драматургия Бертольта Брехта нацелена в завтрашний день.

В Москве на Всесоюзном конкурсе обе работы получили высокую оценку.

Ближайшие планы? Написать произведения на белорусскую национальную тему. Есть черновые наброски к «Песне о зубре» Николая Гусовского, купаловской драме «Раскиданае гняздо», экранизацию которой делает режиссер Борис Луценко. Замыслов, идей много, но сначала надо воплотить, а потом уж говорить о них.

Работа меня захватывает, я чувствую, что она нужна. Когда трудишься с полной отдачей, приходит удовлетворение.

Там, где я жил раньше, такое невозможно. Я мог заниматься музыкой, если бы одновременно содержал, скажем, мясную лавку или служил адвокатом. Это считается делом серьезным, солидным, а на музыканта там смотрят, как на чудака. Добиться, чтобы в Аргентине поставили твою оперу, немислимо. За все послевоенные годы там поставлено их столько, что можно сосчитать на пальцах одной руки.

А я знаю, что здесь, на родине, мою работу ждут, ее всегда оценят. И музыка здесь — не удел избранных, она принадлежит всем. Я благодарен судьбе, потому что остро ощущаю свою неразрывную связь с родной землей, которая дала мне самое большое богатство — счастье жить и творить для людей.

Беседу вел В. ЛЕВИН.
(БЕЛТА).